

ДЕФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В РОССИИ

Ия Осветимская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал в Санкт-Петербурге); Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0000-0002-7869-7675

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00013>

Аннотация. В статье при помощи коммуникативного подхода и лингвистических исследований доказывается, что могут существовать различные модели коммуникации между государственной властью и обществом, но не все из них являются основанием подлинно правовой коммуникации. Обосновывается, что подлинно правовая коммуникация фундируется принципом взаимного правового признания – признания равной правосубъектности друг друга участниками правовой коммуникации. Данный принцип может реализовываться только в рамках двусторонней симметричной модели коммуникации. Все остальные модели (односторонняя, двусторонняя ассиметричная, псевдо- и квазикоммуникация) представляют собой деформации правовой коммуникации, «ущербность» которых возникает по причине неадекватной интерпретации, отсутствия желания субъектов достичь взаимопонимания или неполноценности одного из субъектов коммуникации. Показывается, что смене правовой идеологии в постсоветской России может способствовать использование партнерской стратегии – двусторонней ассиметричной коммуникации между государственной властью и обществом, теоретическую базу для которой возможно разработать в рамках коммуникативной теории права.

Ключевые слова: правовая коммуникация, псевдокоммуникация, квазикоммуникация, принцип правового признания, правосубъектность, коммуникативная теория права

Введение

Постсоветская правовая действительность и перспективы дальнейшего правового развития постсоветских стран нуждаются в глубоком теоретическом переосмыслении. Выявление причин неудовлетворительного государственно-правового устройства России, а также определение путей преодоления сложившейся односторонней модели коммуникации между государственной властью и обществом представляется фундаментальной научной задачей для российской правовой науки. Переход от советского авторитарного режима к правовому государству, преодоление советского наследия в теории и философии права¹ осуществляются сложным и тернистым путем с неоднозначными результатами. России очень трудно порвать с советским прошлым, побороть преобладание политики над правом, игнорирование прав человека.² «Россия слишком долго жила в тисках субъектно-объектной связи, при которой власть, в том числе и государственная, – всегда субъект, а подданный (гражданин) – объект властвования» (Lapteva 2020: 69). В коммуникации между государственной властью и обществом преобладали чаще монологические формы либо диалог неравных сторон, где государство всегда сильный субъект, а общество – подчиненный.

Под государственной властью в настоящей статье понимаются структуры публичной власти – государственные органы и должностные лица, которые наделены полномочиями принятия управленческих решений, в том числе правотворческого и правореализационного характера. Под обществом в целях данной статьи понимаются граждане и их негосударственные объединения. Коммуникация между государственной властью и обществом в контексте исследования – это взаимодействие между указанными субъектами с целью установления взаимопонимания в процессе выработки управленческих решений в правотворческой и правореализационной сферах. Данная коммуникация может выступать в качестве правовой, если ее результатом является установление, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов взаимодействия (граждан, юридических лиц, государственных органов). В данной статье речь будет идти как о правовой коммуникации и ее деформациях, так и о коммуникации, предшествующей праву (предправовой) или коммуникации о праве, то есть взаимодействию, результатом которого должно выступать соглашение о праве – об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей (см.: Polyakov 2012).

---

¹ О положении юридической науки в советское время пишет Л. В. Головкин: «Советская система оставляла очень небольшое пространство для теоретико-правовой доктрины, то есть подлинно юридического анализа. Едва только дело касалось мало-мальски сложной проблемы, возникала советская «бесконфликтность» – запрет обозначать социально-политический конфликт и допускать право к его разрешению. К нормативизму или позитивизму советская «бесконфликтность» никакого отношения не имела. Речь шла об элементарном отказе от юридического дискурса, что выхолащивало теорию права, занимавшуюся в основном либо никак не связанными с правоприменительной практикой схоластическими дискуссиями в духе марксизма-ленинизма, либо механической инвентаризацией разнообразных предписаний как нормативного, так и декларативного характера (их поиском и пересказом)» (Golovko 2016: 112).

² В. В. Лапаева называет этот период «ситуацией перехода от произвола к праву» (Lapaeva 2016: 158).

Целью настоящей статьи является определение моделей деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России, их характеристика, а также выявление критерия различения данных моделей от моделей подлинной коммуникации. Достижение данной цели обусловлено необходимостью выработки критерия для выявления отличий правовых действий государственной власти от злоупотребления властью. Для преодоления советского наследия, отрицающего ценность права, необходимо в первую очередь признать за правом ценность. Одним из средств для достижения указанной цели может служить разработанный теорией права подход, в центре которого находится человек, являющийся активным правовым субъектом. Таким подходом, по мнению автора, является коммуникативно-правовой подход.

Теоретико-методологическая база

Методологическим основанием настоящей статьи выступает положение о том, что правовая коммуникация является основой бытия права точно так же, как человеческое общение всегда выступает основой социального бытия (Habermas 1983; Hoeske 2012; Melkevik 2017; Provencher 2013; Polyakov 2011, 2012, 2014, 2017, 2020). Правовая коммуникация – это «согласованное взаимодействие между субъектами прав и обязанностей на основе интерпретации легитимных правовых текстов» (Polyakov 2012: 206). Являясь субъектом социального взаимодействия, человек вступает в коммуникативно-значимые отношения, эффективность которых зависит в том числе и от характера таких взаимодействий. Эффективность и успешность взаимодействия между государственной властью и обществом также зависит от характера этого взаимодействия, а когда оно опосредуется правом, то от характера правовой коммуникации между государственной властью и обществом. Характер правовой коммуникации определяется тремя аспектами:

- 1) целью (достижение взаимопонимания¹);
- 2) положением сторон (равноправны они или нет);
- 3) сбоями в процессе передачи правовой информации от одной стороне к другой (проблемы интерпретации, понимания, манипулирования).

В качестве исходного звена любой коммуникации выступают языковые структуры, которые делают возможным обмен информацией и само общение как таковое. Язык – это то общее основание, на котором строится коммуникация (см. Provencher 2013). Однако язык не всегда позволяет точно и без потерь передать информацию. Та информация, которая кодируется отправителем, не всегда декодируется получателем с тем же смыслом. Во-первых, это зависит от контекста, в котором протекает взаимодействие, а во-вторых, что не менее важно, от желания сторон достичь взаимопонимания. Когда такой цели нет, возникают модели подобия

---

¹ Взаимопонимание осуществляется посредством признания притязаний на значимость высказываний Другого, иными словами, это процесс достижения согласия на основе взаимно признанных и обоснованных притязаний на значимость (Habermas 1983).

коммуникации, не имеющие ничего общего с подлинной коммуникацией. В связи с этим представляется необходимым исследование моделей деформации коммуникации, которые складываются при взаимодействии государственной власти и общества в повседневной жизни. Этим обосновано использование лингвистических исследований в качестве части методологической базы.

Данный вопрос также тесно связан с проблемой злоупотребления властью, которая исследуется в рамках критического дискурс-анализа. Согласно Т. А. Ван Дейку,

... если управление связано с интересами тех, кто реализует власть, и направлено против интересов контролируемых, то в этом случае мы можем говорить о злоупотреблении властью. (Van Dijk 2013: 27)

Злоупотребление властью – это нелегитимное использование власти, которое приводит к нарушению фундаментальных прав в интересах тех, у кого есть власть, и против интересов других людей (Van Dijk 2013: 37). Злоупотребление властью является одной из причин, приводящих к деформации правовой коммуникации.

Постановка проблемы

В условиях перехода от советского государства к государству правовому, заявленной модернизации страны, цифровизации¹ государственного управления необходимо иметь в виду, что эффективное взаимодействие между государственной властью и обществом невозможно осуществить, опираясь только лишь на достижения науки и техники или на меры стимуляции и оптимизации работы бюрократического аппарата. В данных процессах необходимо использовать имеющийся в обществе потенциал, развивать коммуникативную деятельность, творческую конкуренцию, институты гражданского общества, многопартийную систему.

В случае одностороннего воздействия государственной власти на общество эффект, как правило, является краткосрочным. Государству, возможно, удастся провести в жизнь желаемые установки, но со временем такая модель даст сбой, потому что совместное существование в рамках социума возможно путем совместного «государственного творчества», созидания государственной «ткани» творческими усилиями людей. Преодолеть советские методы управления, направленные на установление примата интересов государства перед личностью, возможно лишь активно действуя в направлении реализации принципов демократии, «повышения качества народного присутствия в органах управления и власти, обращения власти к открытости и диалогу, компетентному исполнению базовых функций государственными гражданскими служащими, открытой и прозрачной

---

¹ Возможности цифровизации могут создать иллюзию наличия коммуникации между государственной властью и обществом в том случае, если инструменты такой коммуникации имеются, но их использование на практике затруднено или результат их использования не влияет на принятие управленческих решений. Примером может быть существование площадки для обсуждения проектов нормативно-правовых актов, но отсутствие реальной возможности участия в обсуждении по причине отсутствия подключения к интернету в отдаленных от городов населенных пунктах.

обратной связи с обществом, верховенству права и прав человека» (Gostenina & Shilina 2012).

Такое целеполагание необходимо по нескольким причинам. Учет общественного мнения способствует выработке более эффективных правовых норм, процедур, укрепляет легитимность принятых властных решений. Процесс создания законодательных норм, в котором участвуют граждане и юридические лица, чьи интересы затрагиваются в результате принимаемых законов, повышает шансы на получение эффективных и устойчивых результатов как в законотворческой, так и в правореализационной сфере. Коммуникация с обществом на первоначальной стадии разработки правил может предотвратить возможные конфликты на дальнейших стадиях реализации права. Кроме этого, взаимодействие с заинтересованными сторонами предоставляет законодателю дополнительные аргументы, знания и мнения, а также критическое осмысление законопроектов. Это все, конечно же, способствует принятию более обоснованных и легитимных решений. «Мы должны помнить причину, по которой в нормативной политической теории совещательная политика приобрела статус эпистемологического значения: для решения “проблемы легитимации”, с которой сталкивается светское государство ввиду “факта плюрализма”» (Habermas 2005: 386).

Кроме того, социологические исследования показывают заинтересованность общества в демократии.¹ Однако те же исследования выявляют достаточно расплывчатые представления российского общества о том, что есть демократия. Чаще всего она ассоциируется с такими понятиями, как «свободы», «законность», «стабильность и процветание» (Volkov & Goncharov 2015: 4). Готовность же к участию в принятии политических решений выражают только 23% из опрошенных (Volkov & Goncharov 2015: 24).

Можно проиллюстрировать данную ситуацию на примере. Во время написания настоящей статьи на Портале проектов правовых актов (<https://regulation.gov.ru/>)² проходило общественное обсуждение Проекта постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении просветительской деятельности». Этот нормативно-правовой акт призван обеспечить реализацию положений уже принятых 5 апреля 2021 года поправок к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», вводящих в законодательство понятие просветительской деятельности. Проектом устанавливается порядок, условия и формы осуществления просветительской деятельности в организациях, осуществляющих образовательную, научную деятельность и деятельность в сфере культуры, а также порядок проведения контроля за ней. Согласно вступившим в силу поправкам, просветительскую деятельность могут вести только органы государственной власти и иные госорганы, а также органы местного самоуправления и уполномоченные ими организации. Осуществление просветительской деятельности

---

¹ Согласно сводному отчету Левада-центра, 62% от опрошенных считают, что России нужна демократия (Volkov & Goncharov 2015: 3).

² Сайт regulation.gov.ru является официальной электронной площадкой для публичного обсуждения проектов нормативных актов в России.

также допускается физическими лицами, индивидуальными предпринимателями или юридическими лицами в порядке, установленном нормативно-правовыми актами. Указанный проект Постановления как раз и устанавливает порядок осуществления просветительской деятельности. При этом, он содержит открытый перечень направлений, деятельность по которым относится к просветительской, что допускает возможность для злоупотребления лицами, которые будут осуществлять контроль за исполнением новых норм. Проектом Постановления предусмотрены жесткие ограничения для физических и юридических лиц. Так, например, для того чтобы физическое лицо смогло разместить в сети интернет лекцию, распространяющую знания о здоровом образе жизни, оно должно заключить договор оказания услуг с организацией, осуществляющей деятельность в сфере образования, науки или культуры и при этом уже иметь двухгодичный опыт осуществления просветительской деятельности. Юридическое лицо среди прочего не должно быть внесено в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, для того чтобы иметь возможность заключить договор оказания услуг с организацией, осуществляющей деятельность в сфере образования, науки или культуры (*Proekt postanovleniya* 2021). Не удивительно, что к моменту окончания общественного обсуждения, количество проголосовавших составило: 73 «за» и 25507 «против» проекта (*Proekt postanovleniya* 2021). Однако, остается вопрос, почему такое небольшое в сравнении с общей численностью населения России количество людей приняло участие в обсуждении? Ведь это как площадь главного рынка в Древнем Риме, где обсуждались законы. Почему на нее никто не выходит?¹ Вероятно, мало кто верит, что его мнение будет учтено.²

Как представляется, общественное обсуждение – это инструмент делиберативной демократии, публичного диалога государства с обществом, всеобщего обсуждения перед принятием управленческих решений, инструмент для активного участия населения в реализации публичных функций и одновременно возможность влиять на содержание нормативно-правовых актов. Данный инструмент позволяет каждому гражданину страны не только быть в курсе содержания принимаемых нормативно-правовых актов, но и осуществлять непосредственное участие в определении их судьбы.

Юрген Хабермас подчеркивает важность концептуального анализа конститутивных предпосылок участия. Разве будут граждане участвовать в голосовании, если не предполагается, что их голос повлияет на исход кампании? Разве обратится кто-либо в суд с иском, если он не предполагает, что исход дела будет соответствовать критерию справедливого отправления правосудия? Будут ли члены парламента снова и снова участвовать в дебатах, если не будет предположения о том, что победит сторона с наиболее сильными аргументами?

---

¹ Публичное обсуждение проектов при помощи данного сайта в среднем собирает 0,97 участника в расчете на 1 нормативно-правовой акт (См. об этом: Dzidzoev & Tamaev 2015).

² В. В. Денисенко, например, считает, что причина кроется в низкой вовлеченности граждан и других представителей общественности в процесс общественного обсуждения проектов нормативных актов (См.: Denisenko 2017). По данным Левада-центра, одной из причин неучастия в политике выступает отсутствие веры в то, что что-то возможно изменить (Volkov & Goncharov 2015: 25).

(Habermas 2005: 385). Можно возражать и утверждать, что все это как раз и происходит во многих постсоветских странах: граждане участвуют в голосовании, зная, что их голос никак не повлияет на исход; все знают о коррумпированности судей и невозможности отстоять свои законные интересы по определенным категориям дел; перевес в парламенте заведомо принадлежит определенной партии. Но это как раз и есть примеры квазикоммуникации – ритуального действия, не влияющего на принятие управленческого решения.

Отсутствие доверия к конкретным должностным лицам влечет за собой недоверие к политическим и правовым институтам как таковым. По данным Левада-центра, многолетние социологические исследования показывают, что особым недоверием со стороны населения пользуются как раз те институты, которые призваны выражать интересы народа: Государственная Дума, Совет Федерации, «системная оппозиция», а также правоохранительные и судебные органы (Levada Center 2020). При этом народное участие и межличностное доверие способствуют росту социального доверия в целом, и политического и правового доверия в частности.

В случае с проектом постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении просветительской деятельности» коммуникация между государственной властью и обществом оказалась успешной. Отрицательные отзывы на проект и предложения по его изменению повлияли на то, что проект в первоначальной редакции не был принят, а был отправлен на существенную доработку со следующим комментарием разработчика:

В связи с тем, что в ходе общественного обсуждения на проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении просветительской деятельности» поступило много отзывов, предложений и замечаний, принято решение о его существенной доработке. (*Proekt postanovleniya* 2021)

В данном случае коммуникация между властью и обществом состоялась. По крайней мере, на данном этапе. Ее можно охарактеризовать как двустороннюю симметричную, чего нельзя сказать о принятом ранее Федеральном законе от 5 апреля 2021 года № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“». Данный закон, известный как «закон о просветительской деятельности», был принят, несмотря на обширную негативную реакцию общественности (Levada Center 2021). Его проект не был размещен для обсуждения и комментариев на государственном портале. Поэтому такой пример мне представляется верным отнести к модели односторонней коммуникации. Никакие петиции ученых¹, возражения

---

¹ В частности, петиция против поправок о просветительской деятельности на сайте change.org собрала 248 095. Авторы петиции апеллируют к тому, что просветительская деятельность чаще всего носит волонтерский характер и любое ее регулирование и лицензирование приведет к ее сворачиванию, так как у просветителей-любителей не будет времени и ресурсов на работу по согласованию. Кроме того, под широкое определение просветительства могут попадать образовательные сайты, YouTube-каналы, подкасты.

Президиума Российской академии наук (Russian Academy of Science 2021)¹ не остановили законодателя от принятия данного нормативно-правового акта. А между тем, анализ принятых поправок в Закон об образовании показывает, что они нарушают ст. 29 Конституции РФ, которая провозглашает свободу слова и мысли, гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру.

Отсутствие доверия к политическим институтам во многом объясняется тем характером коммуникации, которая сложилась между государственной властью и обществом в России. «Длительные периоды недоверия по отношению к правительству порождают неудовлетворенность всей политической системой и могут иметь критические последствия для демократического правления» (Castells 2016: 319). За этим следует кризис легитимности власти как отсутствие убежденности в том, что политические лидеры имеют право принимать решения от имени народа. Пренебрежение советской властью правовыми способами решения конфликтов (Slyshenkov 2016), коррупция и злоупотребления властью должностными лицами в постсоветский период привели к кризису легитимности государственной власти, отсутствию веры населения в возможность участия в принятии управленческих решений и разрешения конфликтов правовыми средствами.

В литературе, относящейся к лингвистическим исследованиям, можно встретить различные классификации моделей коммуникации: модель односторонней коммуникации, модель двусторонней ассиметричной коммуникации, модель двусторонней симметричной коммуникации. А также модели, имитирующие коммуникацию, но ею не являющиеся: псевдо- и квазикоммуникация (Gostenina, Shilina 2012; Kirillov 2013; Puzyrev 2017; Ponomareva 2020). Что касается отечественной юридической литературы, то исследования в основном касаются вопросов правовой коммуникации как таковой (Polyakov 2011, 2014, 2020; Antonov, Polyakov & Chestnov 2013) или особенностей коммуникации между государством и обществом (Lapteva 2020; Polyakov 2020), но проблема деформации правовой коммуникации, а именно существования моделей коммуникации, имитирующих подлинно правовую, остается не раскрытой.

В зарубежных правовых исследованиях можно встретить публикации на тему «псевдоправа» (*pseudolaw*), но они посвящены несколько иному феномену, чем настоящее исследование. Под псевдоправом в таких работах понимается существующая параллельно с действующей правовой системой, система лжеправовой аргументации, которую стороны пытаются использовать в судах, чтобы избежать ответственности. В основании такой аргументации лежат конспирологические теории заговора или верования в то, что человек полностью независим от страны, в которой живет, поэтому не обязан платить налоги (заговор протестующих против налогов) (Powell 2018; Netolitzky 2018).

---

¹ Основные возражения членов Президиума РАН состоят в том, что вносимые поправки усложнят и затормозят популяризацию науки, сократят международные научные связи, а часть запретительных норм, предлагаемых в законопроекте, уже и так прописана в других актах, в частности, касающихся борьбы с экстремизмом и его пропагандой.

Однако мне представляется интересным другой ракурс данной проблемы. А именно: какие модели коммуникации возможны между государственной властью и обществом; какие из этих моделей можно отнести к подлинно правовой коммуникации, а какие к деформации (имитации) правовой коммуникации; какой критерий различения подлинно правовой коммуникации от моделей деформации (имитации) правовой коммуникации способен предложить коммуникативный подход.

Двусторонняя симметричная модель коммуникации (подлинно правовая коммуникация)

Основная цель правовой коммуникации между государственной властью и обществом – это продуктивное сотрудничество в правовой сфере: в правотворчестве и правореализации. Продуктивное сотрудничество способствует сближению целей, трансформации субъект-объектных отношений в субъект-субъектное взаимодействие. Достижение общей цели возможно только в рамках двусторонней симметричной модели коммуникации. Она представляет собой «субъект-субъектное общение, основанное на стремлении властных структур и общества как участников коммуникации учитывать интересы и потребности друг друга. В данном случае речь идет о диалоге, дискурсе, о признании участниками коммуникации равноправия между ними. Интенции сторон являются прозрачными и понятными друг для друга. В данной модели реализуется партнерская коммуникативная стратегия (направленность на сотрудничество). Такая коммуникация позволяет создать широкое поле для применения диалогических коммуникативных стратегий с целью реализации долгосрочных целей и выработки долговременных программ взаимодействия» (Kirillov 2013: 41). Только в процессе реализации данной модели коммуникации создается подлинное право – право, отличное от произвола власти.

Модели деформации коммуникации между государственной властью и обществом

Модель двусторонней ассиметричной коммуникации. В данном случае наблюдается преобладание интересов государственной власти над интересами общества. Власть коммуницирует с обществом, но старается на него воздействовать больше, чем взаимодействовать с ним. В результате такой коммуникации с обществом власть остается при своих же установках, а общество подвергается внушениям со стороны власти, направленным на замену установок, имеющихся в обществе, установками, угодными власти. Если масс-медиа дезинформируют, а не информируют, эксперты используют свои знания, чтобы вводить в заблуждение граждан, мы имеем дело с двусторонней ассиметричной коммуникацией. Т. А. ван Дейк называет такие формы злоупотребления властью «доминированием». Доминирование включает в себя различные виды злоупотребления коммуникативной властью, например, манипуляцию, внушение, дезинформацию (Van Dijk 2013: 36).

Модель односторонней коммуникации. При одностороннем характере коммуникации между государственной властью и обществом первая выступает в качестве субъекта. Общество же является объектом воздействия. Такая модель

коммуникации имеет совершенно монологический характер. Двигателем такой коммуникации выступают лишь интересы власти, целью коммуникации является их реализация. Можно найти множество примеров односторонней коммуникации: политическая реклама, агитация и пропаганда, подменяющая собой свободную конкуренцию, заменяющая добросовестные способы идейного завоевания на методы насильственного навязывания заранее запрограммированного отношения и оценки, рассчитанного на неосознанное восприятие и усвоение определенных целей и ценностей (Kirillov 2013: 40). Такая модель является популярной, так как приводит к быстрому эффекту: воздействию на поведение человека. Однако, следует понимать, что данный эффект, как правило, является кратковременным. Для реализации долгосрочных программ от государственной власти требуется соотнесение принимаемых властных решений с изменениями, сопровождающими развитие общества, а для этого нужно учитывать обратную связь от общества.

Я отношу данную модель к коммуникации, потому что под коммуникацией обычно понимается не только двусторонний процесс с обратной связью (взаимодействие), но и односторонний процесс передачи информации без обратной связи (действие). Однако, мне представляется, что к правовой коммуникации данную модель относить нельзя, так как право может порождаться только в процессе взаимодействия, когда обе стороны понимают и осознают ценность устанавливаемых правил, поочередно и непрерывно выступают в роли источника и получателя информации, легитимируют и реализуют в жизни правовые нормы.

Псевдокоммуникация. Такая модель передачи информации представляет собой попытку диалога, не увенчавшуюся адекватными интерпретациями коммуникативных интенций (Gostenina & Shilina 2012). В процессе псевдокоммуникации происходит расхождение смысла переданной и полученной информации» (Kirillov 2013: 40). Смысл, заложенный коммуникатором, и смысл, декодируемый реципиентом, не совпадают. Это передача информации и не получение адекватной реакции на нее.

Феномен псевдокоммуникативного контакта вбирает в себя различные виды негативных явлений и характеризуется отсутствием общего коммуникативного смысла. Подобное общение складывается как процесс, но не результат, и представляется неудачным, неэффективным, бесперспективным. (Popomareva 2021)

Для псевдокоммуникации, как отмечают Е. К. Черничкина и О. В. Лунева, характерна «своеобразная глухота» (Chernichkina & Luneva 2016: 80). Она может быть обусловлена как неполнотой понимания, так и полным непониманием друг друга. В свою очередь непонимание может быть как произвольным, так и вызванным нежеланием одного из партнеров понимать и реагировать в соответствии с ожиданиями адресанта. Также в качестве цели такого общения может выступать желание запутать собеседника, показать свой высокий профессиональный статус, отвлечь от темы, переключить на другую тему. Так, псевдокоммуникативные сообщения могут использоваться с целью обеспечить завуалированность отсутствия смыслового содержания в передаваемом сообщении. В качестве примера могут быть

приведены так называемые «отписки» государственных служащих на обращения граждан или бессодержательные формулировки в судебных решениях.¹ Ситуации псевдокоммуникации также могут возникать, когда кто-либо из субъектов коммуникации не хочет или не может приложить «интерпретативные усилия», поэтому сообщение воспринимается неадекватно (Chernichkina & Luneva 2016: 84).

Квазикоммуникация. Такая модель характеризует ситуацию отсутствия обмена информацией между сторонами и стремления к этому, отсутствие цели взаимного понимания. Это ритуальное «действие», подменяющее общение и не предполагающее диалога и последующего управленческого решения по исходному условию (Gostenina & Shilina 2012). Это «будто бы коммуникация» (Puzyrev 2017: 47). Формальный подход к реализации правовых норм может выступать примером квазикоммуникации.

Л. Е. Лаптева приводит следующий пример: «закрепленное в законе правило, согласно которому решение территориальных и ряда других вопросов должно проходить с учетом мнения населения, исполняется формально. Иными словами, население выражает мнение, которое никак не учитывается в решении, принимаемом представительным органом» (Lapteva 2020: 71). Однако она относит такую модель к псевдокоммуникации, не поясняя, почему. Мне же представляется, что данный пример правильнее отнести к квазикоммуникации по той причине, что властью была создана имитация процесса коммуникации, обществу была дана мнимая возможность влияния на принятие управленческого решения, но такое решение было принято без учета мнения населения. Не была поставлена цель достижения взаимного понимания. Ключевым моментом для определения квазикоммуникации выступает не просто отсутствие обратной связи, а создание видимости процесса ее получения, но при этом полное игнорирование ее содержания. В приведенном примере отсутствовала обратная связь от представительного органа, который не принял во внимание мнение населения, в результате чего общение превратилось в фикцию.

Ситуация квазиправовой коммуникации возникает и в том случае, если один из субъектов является квазисубъектом права. Если понятие субъекта права тщательно разработано в юридической литературе (Bratus' 1950; Venediktov 1955; Khalfina 1974), то понятие квазисубъекта лишено такого пристального внимания. Мне представляется верным и соответствующим коммуникативному подходу выделение Е. В. Пономарёвой следующего состава признаков, которыми должен обладать субъект права: 1) право- и дееспособность; 2) правовая персонификация; 3) автономная правовая воля; 4) способность к деятельности в праве,² к вступлению в правовую коммуникацию (Ponomareva 2019: 36). Квазисубъект права не обладает всем набором признаков, присущих субъекту права. Принципиальным отличием субъектов права, к которым относятся индивиды, юридические лица и государства, от квазисубъектов

---

¹ Е. К. Черничкина и О. В. Лулева приводят такой пример «отписки»: «Право истца, которое в правовом поле не может быть защищено путем признания его права» (Chernichkina & Luneva 2016: 82).

² Согласно Е. В. Пономарёвой, способность к деятельности в праве отличается от понятия право-дееспособности. Если право- и дееспособность — это способность приобретать и осуществлять субъективные права и юридические обязанности, то способность к деятельности в праве характеризуется наличием активного начала, создающего правовую реальность, в том числе способность создавать и устанавливать нормы права (Ponomareva 2020: 173).

выступает наличие у субъектов права помимо субъективных прав юридических обязанностей. Квзисубъекты обычно наделяются субъективными правами, но на них не возлагаются юридические обязанности. Примерами квзисубъектов права могут служить роботы, нации, трудовые коллективы, семья (Popomareva 2019).

Таким образом, псевдо- и квазикоммуникативные модели представляют собой ситуации «общения с нереализованными коммуникативными интенциями вследствие нарушения общих принципов коммуникативного взаимодействия...» (Popomareva 2020: 92). Такие псевдо- и квазикоммуникативные контакты не выполняют главное предназначение коммуникативного процесса: достижение общей цели в процессе взаимодействия. Псевдокоммуникация и квазикоммуникация создают иллюзорность общения, на самом деле не затрагивая механизмы восприятия сказанного (Tsoi & Magdeev 2015: 82). В рамках таких моделей реализуются манипулятивная и репрессивная стратегии. Для первой характерно стремление к обману в интересах одной из сторон, для второй – принуждение и подчинение в интересах одной из сторон.

Кроме того, для таких моделей коммуникации характерно суггестивное воздействие. В современной лингвистике выделяются два варианта языкового воздействия: персуазия и суггестия (Koveshnikova 2014; Chernyavskaya 2014; Pogrebnyak 2018). Персуазивность предполагает такое языковое воздействие, при котором один субъект коммуникативного процесса пытается при помощи аргументов убедить другого субъекта в необходимости определённого типа поведения. Под суггестивностью понимается завуалированное, скрытое включение в передаваемое сообщение внушения, в результате чего данная замаскированная информация усваивается произвольно, на подсознательном уровне (Koveshnikova 2014: 389). Суггестивное воздействие не предполагает взаимодействие двух полноправных субъектов, а соответствует скорее модели односторонней коммуникации, двусторонней ассиметричной коммуникации или моделям ее деформации. В подлинно правовой коммуникации используются персуазивные языковые инструменты, направленные на аргументированное убеждение.

Следует также отметить, что деформации правовой коммуникации возникают не только в результате недобросовестного поведения со стороны агентов государства, но и в случае такого поведения частных лиц. Например, блокирование хозяйственной деятельности конкурентов путем обращения в государственные органы с требованиями проведения проверок по несуществующим основаниям, злоупотребление правом подачи исковых заявлений в суд, целенаправленное затягивание судебного разбирательства одной из сторон.

Представляется, что в постсоветской России невозможно говорить об эффективном и полноценном взаимодействии государственной власти и общества. Коммуникация между государственной властью и обществом далека от двусторонней симметричной модели. При этом взаимодействие между государственной властью и обществом уже не может основываться на советской модели, когда публичная власть как бы выстраивала взаимодействие с большим количеством формально общественных организаций, даже передавая некоторым из них свои функции

(например, профсоюзам или комсомолу), однако такое взаимодействие жёстко контролировалось коммунистической партией, требующей преданности своей идеологии. Новая же модель, к которой Россия декларирует движение, – модель двусторонней коммуникации, для которой характерно партнерство, взаимная поддержка и взаимный контроль между государственной властью и обществом, еще не сформировалась.

Качественным недостатком современного переходного периода выступает отсутствие четкого правового регулирования многих вопросов, касающихся взаимодействия между властью и обществом, а также даже при наличии такого регулирования сбой в его реализации на практике. Наблюдается, с одной стороны, провозглашаемое желание государства использовать механизмы партнерских взаимоотношений (таких как обсуждения в Общественной палате, обсуждения проектов нормативно-правовых актов на официальном интернет-портале, взаимодействие муниципальных органов власти с населением при решении вопросов обустройства территорий), но практика их реализации показывает, что на самом деле за этим скрывается стремление государства действовать скорее в рамках манипулятивной стратегии, суггестивного воздействия, влиять на общественное сознание в своих интересах, реализуя тем самым двустороннюю ассиметричную модель коммуникации. Внушение обществу определенных установок, «программирование» на определенное поведение, навязывание своей «картины мира», моделирование образа внешнего врага – становятся основными направлениями взаимодействия между государственной властью и обществом. Зачастую такое общение превращается в псевдовзаимодействие, когда государство предоставляет обществу инструменты для реализации его интенций, но получая от общества ответ, декодирует его с подмененным смыслом.¹ Или предоставленные государством инструменты выражения общественного мнения на самом деле являются набором ритуалов и лишь создают видимость общения, которое в итоге не влияет на принятие управленческих решений и является квазикоммуникацией.

Стоит признать, что такие подобию коммуникации по своей сути представляют собой обман, «отравляющий» и сами институты власти, и граждан. Граждане, понимая, что ими манипулируют, что агенты государства обманывают, начинают чувствовать себя вправе обманывать и манипулировать на своем уровне. Отсюда замкнутый круг коррупции, ведущий к «институциональному распаду» (Castells 2016: 321). Под институциональным распадом М. Кастельс понимает такое состояние социального института, воплощенного в конкретных лицах, принимающих политические решения, которое приводит к его падению. Коррупция подрывает доверие к агентам власти, в результате чего в обществе назревает желание устранить данных агентов от власти. В итоге в моменты социального взрыва происходит свержение правительства (Castells

---

¹ Можно смоделировать такую ситуацию с рассмотренным выше примером проекта Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении просветительской деятельности». Если бы по результатам его обсуждения негативная реакция общества была расшифрована не как негативная, а как «вы не поняли, что мы имели в виду, на самом деле то, что вызвало ваши опасения, не несет в себе соответствующих рисков», и проект был бы принят как одобренный обществом.

2016: 321). При этом Мануэль Кастельс называет манипуляцию и контроль традиционными проявлениями власти (Castells 2016: 317).

Безусловно, такая ситуация характерна не только для России. Во всех обществах можно наблюдать злоупотребления властью и деформации коммуникации. Этим проблемам посвящены работы представителей школы критических правовых исследований и других направлений (Arendt 1961; Kennedy 1987; Habermas 2002; Habermas 2005; Tushnet 2003, 2016; Balkin 2011; Virgilio 2013).

Потенциал коммуникативно-правового подхода для разработки двусторонней симметричной модели коммуникации между государственной властью и обществом

Итак, как уже отмечалось выше, преодоление советского наследия и подлинное правовое развитие невозможно без признания ценности права как «особого регулятора общественных отношений, выражающего и защищающего общечеловеческое стремление к свободе и справедливости» (Slyshchenkov 2016: 258).

Ценность право обретает в том случае, если в его рамках человек может осуществлять взаимодействие с Другим, обладающим такой же правосубъектностью, как и он сам. Как подчеркивает А. В. Поляков,

... право воспринимается сознанием и переживается чувствами человека как позитивная ценность, которая может не ассоциироваться с неким рационализированным концептуально внешним «благом», но признается (воспринимается) в целом со своей знаковой стороны как то, что определяет должное поведение в отношениях с обобщенными Другими, становясь тем самым легитимным порядком (ведь признание права является условием его легитимации и легитимности). (Polyakov 2020: 13)

Но это же относится и к государству как к субъекту права. Глубочайшая ошибка состоит в представлении о том, что человек и государство находятся на разных ступенях иерархии. Отношения власти и подчинения, предполагающие одностороннюю монологическую коммуникацию, порождают проблемы с легитимацией и действенностью властных решений. Назначение государства в том, чтобы служить человеку, организовывать его жизнь в совместном бытии с другими людьми посредством права. И государство, и человек являются равноправными субъектами права.

Государство сотворено самим человеком для организации его жизни в союзе с другими людьми. Таким образом, человек является первичным элементом всей социальной системы, а государство – вторичным. Для построения эффективного правового, социального, демократического государства необходимы личности, обладающие достоинством, автономией воли, свободой, и признающие друг в друге эти качества взаимно. Также необходимо, чтобы и государство признавало за индивидами эти качества. «Основным вызовом для общественных наук в XXI в. является примирение социального порядка и индивидуальной автономии» (Provencher 2013: 90; Antonov 2014: 274).

Коммуникация означает быть свободным, но вместе с тем признавать другого как равного себе, опираясь на связывающие нас институты. (Provencher 2013: 96; Antonov 2014: 273)

Представляется, что в основании подлинно правовой коммуникации лежит универсальный принцип, без которого само право теряет свой смысл – принцип взаимного признания суверенитета личности (правосубъектности), то есть личностной автономии субъекта в реализации своих прав и обязанностей. С точки зрения коммуникативного подхода, целью права является «организация человеческого взаимодействия» (Ноеске 2012: 33). Правовая коммуникация – это коммуникация именно межсубъектная, а не исключительно институциональная¹. В процессе межсубъектной коммуникации происходит определение Я через Другого. И вне соотнесенности себя с Другим коммуникация состояться не может. Требование поместить себя на позицию Другого, чтобы коммуникация была эффективной, лежит в основе любого коммуникативного действия.

По мнению Ю. Хабермаса, такое требование имплицитно содержится в том, что нормативные притязания на значимость отражают взаимозависимость между языком и социальным миром, подталкивающую участников дискурса к диалогу, направленному на взаимодействие (Habermas 2010: 470). Он называет человеческое достоинство «моральным истоком», который по содержанию питает все базисные права. От самого начала в права человека имплицитно записана «нормативная субстанция равнодостоинства людей» (Habermas 2010: 470).

Для конституирования в качестве субъекта права необходима организация на двух онтологических уровнях: 1) на уровне самоорганизации и 2) на уровне организации отношений с другими субъектами (Polyakov 2017: 14). В том же духе рассуждает и Аксель Хоннет, который прослеживает формирование субъекта, его индивидуальности через практическое отношение к себе, самопонимание, которое, в свою очередь, развивается в отношениях признания (Honneth 1995). Парадигма признания предлагает закрепление в общественных институтах и практиках принципа взаимного признания достоинства личности, посредством чего будет обеспечиваться социальная, нравственная и правовая независимость (автономия) индивидов.

---

¹ Об институциональной коммуникации см. подробнее: Luhmann 2004.

Библиография:

- Antonov, Mikhail, Polyakov, Andrey & Chestnov, Il'ya. (2013). Kommunikativnyy podkhod i rossiyskaya teoriya prava [From Rus.: Communicative approach and Russian theory of law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [From Rus.: Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence] 6: 78–95.
- Antonov, Mikhail. (2014). Retsenziya na knigu: Provencher G. Droit et communication: Liaisons constatées. Réflexions sur la relation entre la communication et le droit. Bruxelles: E. M. E., 2013. 204 p. [From Rus. and French: Book Review: Provencher G. Law and communication: Bindings noted. Reflections on the relationship between communication and law. Brussels: E. M. E., 2013. 204 p.]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [From Rus.: Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence] 4: 270–276.
- Arendt, Hannah. (1961). Freedom and Politics. In *Freedom and Serfdom*, A. Hunold (ed.). Springer, 191–217.
- Balkin, Jack M. (2011). *Living originalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bratus', Sergey. (1950). *Sub'yekty grazhdanskogo prava* [From Rus.: Subjects of Civil Law]. Moskva: Gosizdat.
- Castells, Manuel. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [From Rus.: Communication power]. Moskva.: Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- Chernichkina, Elena, Luneva, Oksana (2016). Pseudokommunikatsiya vs kvazikommunikatsiya (From Rus.: Pseudocommunication vs quasicommunication). *Vestnik RUDN, seriya Lingvistika* (From Rus.: RUDN Bulletin, Linguistics series) 20(2): 77–90.
- Chernyavskaya, Valeriya. (2014). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [From Rus.: Discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact]. Moskva: Direkt-Media.
- Denisenko, Vladislav. (2017). Sotsial'noye gosudarstvo i ego vliyaniye na pravovoe regulirovanie [From Rus.: Welfare state and its impact on legal regulation]. *Istoriya gosudarstva i prava* [From Rus.: History of state and law] 11: 13–17.
- Golovko, Leonid. (2016). Postsovetskaya teoriya prava: trudnosti pozitsionirovaniya v istoricheskom i pravovom kontekste [From Rus.: Post-soviet theory of law: difficulties positioning in historical and comparative context]. V *Problemy postsovetskoj teorii i filosofii prava: sbornik statey* [From Rus.: Problems of post-soviet theory and philosophy of law: collection of articles]. Moskva: Yurlitinform, 92–127.
- Gostenina, Valentina, Shilina, Svetlana. (2012). Sotsial'nyye tekhnologii upravlencheskogo diskursa v sisteme otnosheniy gosudarstva i obshchestva [From Rus.: Social technologies of management discourse in the system of relations between the state and society]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [From Rus.: Social and humanitarian knowledge]. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-upravlencheskogo-diskursa-v-sisteme-otnosheniy-gosudarstva-i-obshchestva?fbclid=IwAR2Slo-80CHpu18JkhOWjvG3hxhyFzPiFjUsbTJESlo2KqyL78oWXea9kFO> (accessed 18 May 2021).
- Habermas, Jürgen. (1983). Moralbewusstsein und kommunikatives handeln. [From Germ.: Moral Consciousness and Communicative Action]. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main. In Russian: Habermas, Jürgen (2001). Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystviye. [From Rus.: Moral Consciousness and Communicative Action]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo "Nauka".
- Habermas, Jürgen. (2002). Toward a European political community. *Sociology* 39: 58–61.
- Habermas, Jürgen. (2005). Concluding Comments on Empirical Approaches to Deliberative Politics. *Acta Polit* 40: 384–392.
- Habermas, Jürgen (2010). Das Konzept der Menschenwürde und die realistische Utopie der Menschenrechte. [From Germ.: The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human rights]. *Deutsche*

- Zeitschrift für Philosophie*. Academic Verlag [From Germ.: German magazine for philosophy. Academic Publishing House] 58(3): 343–357.
- Hoecke, Van M. (2014). Evropeyskiye pravovyye kul'tury v kontekste globalizatsii. V chest' Andrey Polyakova [From Rus.: European legal cultures in the context of globalization. In honor of Andrey Polyakov]. V *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennyye problemy yurisprudentsii: k 60-letiyu Andrey Vasil'evicha Polyakova: kollektivnaya monografiya. V 2 t. T. II. Aktual'nye problemy filosofii prava i yuridicheskoy nauki v svyazi s kommunikativnoy teoriyey prava* [Theory of Legal Communication and Problems of the Contemporary Jurisprudence: Essays in Honor of the 60th Anniversary of Professor Andrey V. Polyakov. Collective monograph in two volumes. Vol. II. Actual Problems of the Philosophy of Law and Jurisprudence in Relation to Theory of Legal Communication], Antonov, Mikhail, Chestnov, Ilya (red.). Sankt-Petersburg: Alef Press Publishing House, 7– 33.
- Hoecke, Van M. (2012). *Pravo kak kommunikatsiya* [From Rus.: Law as communication]. Sankt-Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, OOO «Universitetskiy izdatel'skiy konsortsiy».
- Honneth, Axel. (1995). *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Dzidzoev, Ruslan & Tamaev, Alan (2015). Obshchestvennoye (publichnoye) obsuzhdeniye projektov zakonodatel'nykh i inykh normativnykh pravovykh aktov v formate otkrytogo pravitel'stva [From Rus.: Social (public) discussion of draft legislative and other normative legal acts in the format of an open government] // *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [From Rus.: Constitutional and municipal law] 8: 66–70.
- Kennedy, David. (1987). The move to institutions. *Cardozo Law Review* 8(5): 841–985.
- Khalfina, Raisa. (1974). *Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii* [From Rus.: General doctrine of legal relationship]. Moskva: Yuridicheskaya literatura.
- Kirillov, Alexander. (2013). Vliyaniye SMI na sovremennyye osobennosti kommunikatsii vlasti i obshchestva [From Rus.: The influence of the media on modern features of communication between government and society]. *Vestnik universiteta* 20: 39–42.
- Koveshnikova, Mariya (2014). *Rechevaya manipulyatsiya i priyemy rechevogo manipulirovaniya* [From Rus.: Speech Manipulation and Speech Manipulation Techniques]. *XVIII Tsarskosel'skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [From Rus.: XVIII Tsarskoye Selo readings: proceedings of the international scientific conference], Skvortsov Vladimir (red.). Volume 1. Sankt-Peterburg.: Leningradskiy gosudarstvenniy universitet imeni A. S. Pushkina, 387–394.
- Krawietz, Werner. (2011). Yuridicheskaya kommunikatsiya v sovremennykh pravovykh sistemakh (teoretiko-pravovaya perspektiva) [From Rus.: Legal communication in modern legal systems (theoretical and legal perspective)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [From Rus.: Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence], 5: 8–26.
- Kvashina, Tat'yana. (2009). Televizionnyy diskurs: etnokul'turnyye komponenty fil'tra vospriyatiya [From Rus.: Television discourse: ethnocultural components of the perception filter]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [From Rus.: Saint-Petersburg State University Bulletin], 9(4): 237–242.
- Lapaeva, Valentina. (2016). Postsovetskaya teoriya prava: filosofskiy osnovaniya i ikh yuridiko-dogmaticheskaya konkretizatsiya [From Rus.: Post-soviet theory of law: philosophical foundations and their legal-dogmatic concretization] V *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava: sbornik statey* [From Rus.: Problems of post-soviet theory and philosophy of law: collection of articles]. Moskva: Yurlitinform, 146–180.
- Lapteva, Lyudmila. (2020). Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii: problemy kommunikatsii [From Rus.: State and Society in Russia: Communication Problems]. V *Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i*

- obschestva: *otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Legal communication between the state and society: domestic and foreign experience: Proceedings of the international scientific conference]. Belyayev, Maksim, Denisenko, Vladislav (red.) Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 69–73.
- Levada Center. (2020). *Doveriye k institututam: press-vypusk* [From Rus. Trust to Institutions: Press Release], 21 September. Available at <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (accessed 12 July 2021).
- Levada Center. (2021). *Zakon o prosvetitel'skoy deyatelnosti: press-vypusk* [From Rus.: Law on Educational Activity: Press Release], 21 April. Available at <https://www.levada.ru/2021/04/12/zakon-o-prosvetitel'skoj-deyatelnosti/> (accessed 26 July 2021).
- Luhmann, Niklas. (2004). *Obschestvo kak social'naya sistema* [From Rus.: Society as a social system]. Moskva: Logos.
- Melkevik, Bjarne. (2017). *Kommunikativnaya model' Jurgena Habermasa v yuridicheskoy nauke*. [From Rus.: Jürgen Habermas's Communicative Model in Legal Science]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [From Rus.: Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence] 4: 60–73.
- Melkevik, Bjarne. (2018). *Zametki po istorii pravovykh ponyatiy* [From Rus.: Notes on the history of legal concepts]. Sankt-Peterburg: OOO Izdatel'skiy dom «Alef-Press».
- Netolitzky, Donald (2018). *A Rebellion of Furious Paper: Pseudolaw as a Revolutionary Legal System*. *SSRN Electronic Journal*. Available at https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3177484 (accessed 23 May 2021).
- Pogrebnyak, Natal'ya. (2018). *Ubezhdeniye i vnusheniye kak sposoby rechevogo vozdeystviya, funktsioniruyushchiye v politicheskom mediadiskurse* [From Rus.: Persuasion and Suggestion as Ways of Speech Influence Functioning in Political Media Discourse]. *Filologicheskiiy aspekt* [From Rus.: Philological Aspect] 12(44). Available at <https://scipress.ru/philology/articles/ubezhdenie-i-vnushenie-kak-sposoby-rechevogo-vozdjestviya-funktsioniruyushhie-v-politicheskom-mediadiskurse.html> (accessed 12 July 2021).
- Polyakov, Andrey. (2011). *Normativnost' pravovoy kommunikatsii* [From Rus.: Normativeness of legal communication]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [From Rus.: Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence] 5: 27–45.
- Polyakov, Andrey. (2012). *Chto est' pravo?* [From Rus.: What is Law?]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [From Rus.: Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence] 6: 199–209.
- Polyakov, Andrey. (2014). *Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbrannye Trudy* [From Rus.: Communicative Legal Understanding: Selected Works]. SPb.: OOO Izdatel'skiy dom «Alef-Press».
- Polyakov, Andrey. (2017). *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: klmmunikativnyy podkhod* [From Rus.: Effectiveness of legal regulation: a communicative approach]. *V Effektivnost' pravovogo regulirovaniya* [From Rus.: Effectiveness of legal regulation]. Polyakov Andrey, Denisenko Vladislav, Belyaev Maksim (red.). Moskva: Prospekt, 11–25.
- Polyakov, Andrey. (2020). *Kommunikativnyy smysl dejstvitel'nosti prava, ego priznaniya i idei spravedlivosti* [From Rus.: The communicative meaning of the reality of law, its recognition and the idea of justice]. *V Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obschestva: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Legal communication between the state and society: domestic and foreign experience: Proceedings of the international scientific conference]. Belyayev, Maksim, Denisenko, Vladislav (red.) Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 9–19.
- Ponomareva, Elena. (2019). *Sub'yekty i kvazisub'yekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya* [From Rus.: Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of delimitation]. *Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk* [From Rus.: Dissertation of the candidate of legal sciences]. Ekaterinburg.

- Ponomareva, Inna. (2020). Osobennosti delovoj kommunikatsii v situatsiyakh psevdokommunikativnykh kontaktov [From Rus.: Features of business communication in situations of pseudocommunicative contacts]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [From Rus.: International research journal] 8(98)3: 90–92.
- Ponomareva, Inna. (2021). Illokutivnoe vynuzhdenie kak priznak psevdokommunikatsii [From Rus.: Illocutionary Compulsion as a Sign of Pseudocommunication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [From Rus.: RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics] 12(1): 61–70.
- Powell, Corey. (2018). Here comes pseudolaw, a weird little cousin of pseudoscience. *Aeon*. Available at <https://aeon.co/ideas/here-comes-pseudolaw-a-weird-little-cousin-of-pseudoscience> (accessed 23 May 2021).
- Proekt Postanovleniya Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii “Ob utverzhdenii polozheniya o poryadke osuschestvleniya prosvetitel'skoy deyatel'nosti” [From Rus.: Draft of the Russian Government's Decree “On approval of Regulations of Educational Activity”]. (2021). Available at https://regulation.gov.ru/projects?fbclid=IwAR0leXEopO82L-jPIG4pV8ggVGOdc6U_-gxLWHL3vKSpS7MwHL2O-0c0hWc#npa=115396 (accessed 26 July 2021).
- Provencher, Guillaume (2013). *Droit et communication: Liaisons constatées. Réflexions sur la relation entre la communication et le droit* [From French: Law and communication: Bindings noted. Reflections on the relationship between communication and the law]. Bruxelles: E. M. E.
- Puzryev, Alexander. (2017). Metodologicheskiye aspekty psiholingvistiki [From Rus.: Methodological aspects of psycholinguistics]. *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa* [From Rus.: Linguistic being of a person and ethnos]. 46–48.
- Russian Academy of Science. (2021). Rossiyskiye uchenie vystupili protiv zakonoproekta o prosvetitel'skoy deyatel'nosti [From Rus.: Russian scholars call for against the draft law on educational activity]. Available at <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d2c2cd58-e2d4-4e88-ab15-68cb1e554d6d> (accessed 26 July 2021).
- Slyshchenkov, Vladimir. (2016). Pravovyye zaimstvovaniya v postsovetском grazhdanskom prave, ili o neobhodimosti novogo yuridicheskogo gumanizma [From Rus.: Legal borrowing in post-Soviet civil law, or the need for a new legal humanism]. *Problemy postsovetской teorii i filosofii prava: sbornik statey* [From Rus.: Problems of post-soviet theory and philosophy of law: collection of articles]. Moskva: Yurlitinform, 211–264.
- Tsoi Lyubov & Magdeev Denis. (2015). Konflikt: dva znakovykh kontenta ponimaniya i interpretatsii [From Rus.: Conflict: two significant contents of comprehension and interpretation]. *Vlast'* [From Rus.: Power] 9: 78–83.
- Tushnet, Mark. (2003). Forms of Judicial Review as Expressions of Constitutional Patriotism. *Law and Philosophy* 22: 353–379.
- Tushnet, Mark. (2016). New Institutional Mechanisms for Making Constitutional Law. In *Democratizing Constitutional Law*, Thomas Bustamante & Bernardo Gonçalves Fernandes (eds.). Berlin: Springer.
- Van Dijk, Teun. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [From Rus.: Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM».
- Varlamova, Nataliya. (2016). Geterarhichnost' sovremennykh pravovykh sistem i postsovetская teoriya prava [From Rus.: Heterarchism of modern legal systems and post-soviet theory of law]. *Problemy postsovetской teorii i filosofii prava: sbornik statey* [From Rus.: Problems of post-soviet theory and philosophy of law: collection of articles]. Moskva: Yurlitinform, 30–72.
- Venediktov, Aleksey. (1955). O sub'yektakh sotsialisticheskikh pravootnosheniy [From Rus.: On the Subjects of Socialist Legal Relations]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [From Rus.: Soviet state and law] 6: 17–28.

- Virgilio, Alfonso da Silva. (2013). Deciding without deliberating. *International Journal of Constitutional Law* 11: 557–584.
- Volkov, Denis & Goncharov, Stepan. (2015). *Demokratiya v Rossii: ustanovki naseleniya. Svodnyy analiticheskiy otchet* [From Rus.: Democracy in Russia: Attitudes of the Population. Consolidated Analytical Report]. Available at <https://www.levada.ru/2015/08/11/demokratiya-v-rossii-ustanovki-naseleniya-2015/> (accessed 12 July 2021).